

Ранній залізний вік Східної Європи: збірник статей на пошану Ірини Шрамко

The Early Iron Age of Eastern Europe: Studies Presented to Iryna Shramko

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ В. Н. КАРАЗІНА
ІСТОРИЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МУЗЕЙ АРХЕОЛОГІЇ

КОМУНАЛЬНА УСТАНОВА
«ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНИЙ ЗАПОВІДНИК «БІЛЬСЬК»
ПОЛТАВСЬКОЇ ОБЛАСНОЇ РАДИ

Ранній залізний вік Східної Європи

**збірник статей на пошану
Ірини Шрамко**

Редактори: Сергій Скорий, Станіслав Задніков

Харків — Котельва
2021

Рецензенти:

Ірина Сніжко, кандидат історичних наук, доцент, провідний науковий співробітник Харківського історичного музею імені М. Ф. Сумцова;

Валерій Скирда, кандидат історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Вікторія Котенко, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу античної археології Інституту археології НАН України.

Редактори:

Сергій Скорий, доктор історичних наук, професор, завідувач відділом археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України;

Станіслав Задніков, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Музею природи ХНУ імені В. Н. Каразіна; провідний науковий співробітник Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради.

Редакційна колегія:

Ігор Бруйко, доктор історичних наук, директор Одеського археологічного музею НАН України;

Леонід Бабенко, старший науковий співробітник відділу археології Харківського історичного музею імені М. Ф. Сумцова;

Денис Гречко, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України;

Ігор Корост, директор Комунальної установи «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради;

Олексій Крютченко, кандидат історичних наук, молодший науковий співробітник відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України;

Оксана Ліфантьєв, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник філіалу Національного музею історії України – Музей історичних коштовностей України;

Олександр Могилов, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України;

Сергій Махортних, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України;

Костянтин Пеляшенко, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник Музею археології ХНУ імені В. Н. Каразіна;

Юрій Полідович, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник філіалу Національного музею історії України – Музей історичних коштовностей України;

Сергій Посохов, доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна;

Олександр Шелехань, кандидат історичних наук, науковий співробітник Інституту археології НАН України.

*Затверджено до друку Вченою радою
Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 19 від 28 грудня 2020 року)*

Р 22 Ранній залізний вік Східної Європи: збірник статей на пошану Ірини Шрамко / ред.: Сергій Скорий, Станіслав Задніков. Харків – Котельва: ХНУ імені В. Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», 2021. – 336 с.

ISBN 978-966-285-694-1

При передруку та іншому використанні матеріалів збірника посилання на джерело обов'язкове.

До збірника увійшли наукові статті, у яких автори висвітлюють різні аспекти історії Східної Європи, переважно доби раннього залізного віку.

Публікуються підсумки розвідок, розкопок поселень, поховальних комплексів, результати вивчення археологічних колекцій музеїв. Більшість матеріалів вперше вводиться до наукового обігу.

Для істориків, археологів, музейних працівників, викладачів, краєзнавців, студентів вищих навчальних закладів та всіх, хто цікавиться давньою історією та археологією.

УДК 903(4-11)»638.3»(082.1)

ISBN 978-966-285-694-1

© Автори статей, 2021

© ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2021

© ІКЗ «Більськ», 2021

ЗМІСТ

Від редакторів	7
<i>Сергій Посохов</i> Йї покликання — археологія	8
<i>Сергій Скорий</i> Дослідниця скіфської старовини	10
<i>Ігор Корост</i> Найбільше щастя — служити улюбленій справі!	12
Фотолітопис Ірини Шрамко	14

ДОБА БРОНЗИ

<i>Юрій Буйнов, Наталія Левченко</i> Некоторые вопросы историко-культурного развития бондарихинских племён в бассейне Северского Донца	22
<i>Віктор Клочко</i> Стріли типу Брічмулла (і знову про протоскіфів)	39
<i>Данило Клочко</i> Про традицію трикутного навершя на кинджалах киммерійського часу на території України	48

СКІФСЬКИЙ ЧАС

<i>Владислав Андрієнко</i> Грунтове поховання з дзеркалом на поселенні Пожарна Балка	54
<i>Леонід Бабенко</i> О семантике пекторали из Большой Близницы	58
<i>Микола Бандрицький, Михайло Билык</i> Панцирные наборы раннежелезного века из кургана в Швайковцах на Западном Подолье	71
<i>Анна Вертиенко</i> Чаша для возлияний в индоиранской традиции	83
<i>Денис Гречко</i> Поселенські структури Дніпровського лісостепового Лівобережжя другої половини VI—V ст. до н.е.	100
<i>Дмитро Каравайко</i> Глиняні вироби городища Ширяєве	113
<i>Любов Клочко</i> Наративні композиції на головних уборах скіф'янок	129
<i>Володимир Колода</i> Набір скіфського посуду з городища Мохнач	141

CONTENTS

Editor's Preface	7
<i>Sergiy Posokhov</i> Her vocation is archaeology	8
<i>Serhiy Skory</i> Researcher of Scythian antiquity	10
<i>Igor Korost</i> The greatest happiness is to serve your favorite cause!	12
Photo chronicle by Iryna Shramko	14

BRONZE AGE

<i>Yurii Buinov, Nataliya Levchenko</i> Some issues of the historical and cultural development of the bondarykha tribes in the Siversky Donets River	22
<i>Viktor Klochko</i> Burchmulla type arrows (once again on protoscythians)	39
<i>Danylo Klochko</i> About the tradition of triangular pommel on the daggers of Cimmerian time in Ukrainian territory	48

SCYTHIAN TIME

<i>Vladyslav Andrienko</i> A ground burial with a mirror at the Pozharna Balka settlement	54
<i>Leonid Babenko</i> On semantics of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa	58
<i>Mykola Bandrivsky, Mykhailo Bilyk</i> Armor sets of the Early Iron Age from a burial mound in Shvaikovtsi in Western Podolia	71
<i>Hanna Vertiienko</i> A libation bowl in the Indo-Iranian tradition	83
<i>Denys Grechko</i> Settlement structures of the Dnipro Left-bank Forest-Steppe of the second half of the VI—V centuries BC.	100
<i>Dmytro Karavayko</i> Clay products of the Shyryayev hillfort	113
<i>Liubov Klochko</i> Narrative compositions on the female Scythian headwears	129
<i>Volodymyr Koloda</i> A set of Scythian kitchen ware from Mohnach hillfort	141

- Алексей Крютченко*
О системе классификации и возможных
вариантах развития укрепленных поселений
скифского времени Днепро-Донской Лесостепи
- Сергей Махортык*
Греческие амфоры из погребений
Перецепинского могильника близ Бельска
- Ясуюки Мураками*
Особливості раннього виробництва заліза на
Алтаї і в Південному Сибіру
- Сергей Ольговский*
Скифо-античные связи в Северном
Причерноморье в архаическое время
- Костянтин Пеляшенко*
Старожитності скіфського часу в басейні річки
Лопань
- Юрий Полидович*
Роговые наконечники из Западного Бельского
городища и некоторые особенности
раннескифского «звериного стиля»
- Віра Радзівська, Василь Смирнов*
Знахідка ольвійського «борисфена» на
Коломацькому городищі скіфської доби в
Поворсклі
- Сергей Скорый, Виталий Окаренко*
Курган времени скифской классики у села
Тетюшино на Северском Донце
- Ірина Снитко*
Архитектурно-строительные особенности юго-
западной башни городища Беляус
- Михаил Трейстер*
Бронзовый кратер из скифского кургана у села
Мартоноша
- Олена Фіалко*
Заупокійний супровід скіфських амазонок
- Гоча Цецхладзе*
Проходження і завоювання: Ахеменіди в Колхиді
- Олександр Шелехань, Оксана Ліфантий*
Якушинці — поселення чорноліської культури
на Побужжі
- СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ**
- Виктор Аксенов*
Детский костюм из погребения № 309
биритуального могильника салтовской культуры
Красная Горка
- Александр Дьяченко, Александр Лимаров,
Юрий Погорелов*
Материалы к археологии юго-западного фланга
Белгородской черты середины XVII века
- Oleksij Kriutchenko*
Possible variants of the development of fortified
settlements of the Dnipro -Don Forest-Steppe in the
Scythian time
- Serhiy Makhortykh*
Greek amphorae from the Pereschepyne cemetery
near Bilsk
- Yasuyuki Murakami*
Characteristics of the early iron production in Altai
and South Siberia
- Serhiy Olgovskyi*
Relations between Scythians and Greeks in the
northern Black Sea Coast in the Archaic times
- Kostiantyn Pelyashenko*
Antiquities of Scythian times in the basin of the
river Lopan
- Yurii Polidovych*
Horn tips from the Western Bilsk hillfort and some
features of the early Scythian animal style
- Vira Radziyevska, Vasyl Smirnov*
The find of the Olbia coin «borisfen» at the
Kolomak hillfort of the Scythian time in Vorskla
region
- Serhiy Skory, Vitalii Okatenko*
The barrow of the time of the scythian classics near
village Tetyushine on the Siverky Donets
- Iryna Snitko*
Architectural and construction features of the
southwestern tower of the Belyaus hillfort
- Mikhail Treister*
A Bronze Krater from a Scythian Burial-mound
near the Village of Martonosha
- Olena Fialko*
Funeral escort of the Scythian amazons
- Gocha Tsetskhladze*
Passing and Conquering: The Achaemenids in
Colchis
- Oleksandr Shelekhan, Oksana Lifantii*
Yakushyntsi — chornolis culture settlement in
southern Buh region
- MIDDLE AGES**
- Viktor Aksyonov*
Children's costume from burial No. 309 of the biritual
burial ground of the Saltov culture Chervona Hirka
- Alexander Dyachenko, Alexander Limarov,
Yurii Pogorelov*
Materials to the archaeology of the south-western
flank of the Belgorod line of the middle 17th century

Бабенко, Л. И. 2021. О семантике пекторали из Большой Близницы. В: Скорый, С. А., Задников, С. А. (ред.). *Ранний железный век Східної Європи: збірник статей на пошану Ірини Шрамко*. Харків; Котельва: ХНУ імені В. Н. Каразіна; ІКЗ «Більськ», с. 58–70.
Babenko, L. On semantics of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa. In: Skory, S., Zadnikov, S. (ed.). *Early Iron Age of Eastern Europe: Studies Presented to Iryna Shramko*. Kharkiv; Kotelva: V. N. Karazin Kharkiv National University; HCR «Bilsk», p. 58–70.

УДК 903.25–032.42:903.5(470.620)“–03”

О СЕМАНТИКЕ ПЕКТОРАЛИ ИЗ БОЛЬШОЙ БЛИЗНИЦЫ

Леонід Бабенко

БАБЕНКО Леонід Іванович, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна, e-mail: babenkolnd@gmail.com.

BABENKO Leonid, Senior Researcher, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Universytetska str. 5, Kharkiv, 61003, Ukraine, e-mail: babenkolnd@gmail.com.

БАБЕНКО Леонид Иванович, старший научный сотрудник, Харьковский исторический музей имени Н. Ф. Сумцова, ул. Университетская, 5, Харьков, 61003, Украина, e-mail: babenkolnd@gmail.com.

ORCID ID: 0000-0002-5498-9278

◆ Про семантику пекторалі з Великої Близниці

Леонід Бабенко

Резюме. Конструктивна й частково художня схожість пекторалей з Великої Близниці та Товстої Могили мимоволі зумовила усталену думку про їх семантичну тотожність, щонайменше, у частині трактувань. Запропоновані дослідниками інтерпретації семантики сюжетів пекторалі з Великої Близниці часто корелюються з композицією пекторалі з Товстої Могили без належних на те підстав. Тим часом, семантика композиції таманської пекторалі може мати абсолютно самостійне, незалежне від сюжетів пекторалі з Товстої Могили, трактування. Ключем до її розуміння можуть послужити кілька факторів.

Найбільш змістовною для семантичних трактувань є високохудожня частина композиції пекторалі з Великої Близниці, а саме п'ять сцен за участю ципів та баранів. Кількісно й композиційно домінантними персонажами виробу є ципи, репрезентовані сімома або дев'ятьма особинами, одна з яких розташована в центрі фриза. Саме цип був найбільш поширеним втіленням Діоніса, культовим символом цього бога.

Також семантику пекторалі з Великої Близниці слід узгоджувати з контекстом похоронного комплексу гробниці № 4 і визначенням культу, служницею якого була похована жриця. Одним з найбільш зримих атрибутів, що визначають приналежність цієї жінки до жрецького стану, є парадний головний убір – калаф, який прикрашали 11 рельєфних фігурок – танцюючих менад і сатирів – учасників традиційної «свити» Діоніса.

Атрибути діонісійського культу помітні й серед інших предметів інвентарю з цього поховання. Це й ряд теракотових статуєток, і персонажі набірного намиста, і зібрання мініатюрних теракотових і бронзових посудин. Тому висловлене Л. Е. Стефані припущення про зв'язок пекторалі («большого ожерелья») з «вакхічними культурами» можна визнати цілком обґрунтованим і таким, що заслуговує на увагу.

Ключові слова: пектораль, Товста Могила, Велика Близниця, скіфи, торевтика, Діоніс, елевсінські культу.

◆ On semantics of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa

Leonid Babenko

Abstract. Constructive and partly artistic likeness of the pectorals from the Bolshaya Bliznitsa and Tovsta Mohyla involuntarily predetermined unalterable opinion about its semantic sameness, at least, as for representation. Suggested by the researchers interpretations of the plots of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa often correlate with the composition of the pectoral from Tovsta Mohyla without any good reasons. In the meantime, the composition semantics of the Taman pectoral may have its own representation, which is independent of the pectoral from the Tovsta Mohyla plots. The key to its understanding lies in several factors.

© Леонід Бабенко, 2021

The most profound part for the semantic representation is the highest artistic one from the composition of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa, namely five scenes with male goats and male sheep. Quantitatively and on a compositional level the dominant characters of the pectoral are male goats, who are represented by seven or nine individuals, one of which is placed in the centre of the frieze. Male goat was one of the most widespread incarnations of Dionysus, the cultic symbol of this god.

Also the semantics of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa should be coordinated with the context of the burial complex of the sepulchre № 4 and the definition of the cult, religious worker of which was a buried priestess. The one of the most visible attribute which defines the buried woman belonging to the sacerdotal class is dress-up headwear – calathus. The calathus was decorated with 11 relief figures – dancing maenads and satires – the participants of the traditional “entourage” of Dionysus.

The attributes of Dionysus cult can be also found in other inventory things from this sepulchre. Among them are terra-cotta statues, the characters of the necklace decorated with plates, the set of miniature terra-cotta and bronze bottles. So, the suggestion made by L. E. Stephani on correlation of the pectoral (“a big necklace”) with “bacchanal cults” can be accepted as well founded and deserving attention.

Keywords: pectoral, Tovsta Mohyla, Bolshaya Bliznitsa, Scythians, toreutics, grotesque, Dionysus, Eleusinian Mysteries.

◆ О семантике пекторали из Большой Близницы

Леонид Бабенко

Резюме. Конструктивное и отчасти художественное сходство пекторалей из Большой Близницы и Толстой Могилы невольно предопределило устойчивое мнение об их семантическом тождестве, по меньшей мере, в части трактовок. Предложенные исследователями интерпретации семантики сюжетов пекторали из Большой Близницы зачастую коррелируются с композицией пекторали из Толстой Могилы без должных на то оснований. Между тем, семантика изображения таманской пекторали может иметь совершенно самостоятельную, независимую от сюжетов изделия из Толстой Могилы трактовку. Ключом к ее пониманию могут послужить несколько факторов.

Наиболее содержательной для семантических трактовок является высокохудожественная часть изображения пекторали из Большой Близницы, а именно пять сцен с участием козлов и баранов. Количественно и композиционно доминантными персонажами изделия являются козлы, представленные семью или девятью особями, одна из которых расположена в центре фриза. Представители этого рода являлись наиболее распространенным воплощением Диониса, культовым символом этого бога.

Также семантику пекторали из Большой Близницы следует согласовывать с контекстом погребального комплекса гробницы № 4 и определением культа, служительницей которого являлась захороненная жрица. Одним из наиболее зримых атрибутов, определяющих принадлежность усопшей женщины к выше упомянутому сословию, является парадный головной убор – калаф, который украшали 11 рельефных фигурок – танцующих менад и сатиров – участников традиционной «свиты» Диониса.

Атрибуты этого культа видны и в других предметах инвентаря из данного погребения. Это и ряд терракотовых статуэток, и персонажи наборного ожерелья, и комплект миниатюрных красновато-коричневых и бронзовых сосудишков. Поэтому, высказанное Л. Э. Стефани предположение о связи пекторали («большого ожерелья») с «вакхическими культами» можно признать вполне обоснованным и заслуживающим внимания.

Ключевые слова: пектораль, Толстая Могила, Большая Близница, скифы, тореутика, гротеск, Дионис, элевсинские мистерии.

В 1868 г. в гробнице № 4 кургана Большая Близница на Таманском полуострове, раскопки которого продолжались с перерывами более 20 лет (с 1864 по 1886 гг.), было вскрыто погребение молодой женщины, сопровождавшееся огромным количеством золотых украшений. В их числе обнаружено три нагрудных ожерелья – два наборных и одно цельное сложносоставное, часто именуемое пекторалью¹ – в виде узкой лунулы с одним фигурным фризом, обрамленным витыми жгутами (рис. 1: 1). Наибольший интерес – и изобразительный, и смысловой – составляют персонажи фриза, представленные 17 скульптурками животных – 13 фигурками козлов и баранов, объединенных в 5 сюжетных

сцен, часто именуемое пекторалью¹ – в виде узкой лунулы с одним фигурным фризом, обрамленным витыми жгутами (рис. 1: 1). Наибольший интерес – и изобразительный, и смысловой – составляют персонажи фриза, представленные 17 скульптурками животных – 13 фигурками козлов и баранов, объединенных в 5 сюжетных

¹ О корректности применения к украшению терракоты пектораль см. (Бабенко 2018).

групп, а также симметрично расположенными на концах пекторали фигурками собак, преследующих зайцев (рис. 1: 2–9).

Первую попытку осмысления представленных на пекторали образов и сюжетов предпринял Л. Э. Стефани. Исследователь еще в самом начале обзора находок из гробницы № 4 Большой Близницы рассматривал «большое ожерелье», наряду с терракотовыми статуэтками, украшениями головного убора, набором посуды, в качестве свидетельства принадлежности погребенной к вакхическому культу, являющегося составной частью культа элевсинских божеств (Стефани 1871, с. 12). Охарактеризовав сюжет пекторали как «сцену сельского и пастушеского быта» (Стефани 1871, с. 18), Л. Э. Стефани изложил более чем на ста страницах обширный обзор разнообразных древнегреческих и римских произведений искусства, содержащих изображения козлов и баранов (вазовой и настенной живописи, глиптики, нумизматики, мраморной и бронзовой скульптуры, терракот, мраморных рельефов, светильников, художественно оформленных бронзовых сосудов и предметов вооружения и т.д.). Репертуар упомянутых сюжетов пестрый — козлы и бараны в различных сочетаниях представлены пасущимися, играющимися, приносимыми в жертву, в качестве верховых животных, спутников персонажей или различных их инкарнаций. Номенклатура перечисленных мифологических персонажей, у которых в том или ином контексте прослежена связь с козлами и баранами, очень представительна. Отмечены различные герои (Парис, Эндимион, Ромул и Рем, Аттис, Полифем, Эдип и др.) и божества (Деметра и Кора, Аполлон и его дети /Филакид, Филандр, Асклепий/, Артемида, Геракл, Гермес, Артемида и Эрот, Дионис с многочисленной свитой /Пан, силены, сатиры, менады, Приап/, Гермес, Зевс /особенно в контексте мифа о золотом руне/, Гера, Афина) (Стефани 1871, с. 19–128). Но в конце этого подробного синопсиса Л. Э. Стефани так и не согласовал с сюжетом пекторали конкретный персонаж, поэтому отмеченная им в самом начале связь с вакхическими куклами не претерпела изменений.

В последующие сто лет исследователи, обращавшиеся к пекторали из Большой Близницы, ограничивались лишь лаконичной характеристикой «живо схваченных с натуры животных», не предпринимая попыток анализа смыслового содержания сцен (Толстой, Кондаков 1889, с. 59;

Гайдукевич 1949, с. 290; Артамонов 1966, с. 72; Цветаева 1968, с. 73).

Интерес к проблемам семантики композиции пекторали из Большой Близницы возник после раскопок Толстой Могилы и открытия там еще одной — «большой» пекторали, сюжетам которой были сразу же предложено несколько различных толкований (Мачинский 1978; Мозолевский 1978; Раевский 1978). Со временем количество семантических интерпретаций существенно умножилось — только центральная сцена верхнего фриза насчитывает более двух десятков оригинальных трактовок (Бабенко 2013, с. 111–113)¹. При этом для подтверждения тех или иных толкований многие исследователи довольно часто проводили параллели именно с сюжетами пекторали из Большой Близницы. Подобные сопоставления приняли характер устойчивой традиции, хотя далеко не все из них можно признать бесспорными. Рассмотрим некоторые из них.

Семантику композиции пекторали из Толстой Могилы в целом определяет ее трехчастная структура со зримым противопоставлением сюжетов верхнего и нижнего фризов посредством ряда бинарных оппозиций, прежде всего мотивов рождения и смерти. Наиболее универсальная трактовка была предложена Д. С. Раевским, увидевшим в ней развернутое воплощение скифской космологической модели (Раевский 1978; 1985, с. 181–203, 229–233). Сравнивая обе пекторали, многие исследователи попытались представить композицию таманской пекторали как сокращенный, «обедненный» вариант, «конспект» украшения из Толстой Могилы. При этом верхний фриз чаще всего соотносился со сценами с копытными животными, нижний — со сценой преследования зайца собакой, средний — с растительными композициями (Мачинский 1978, с. 145; Раевский 1978, с. 118; 1985, с. 230–231; Brentjes 1994, S. 176). Некорректность подобных сопоставлений уже отмечалась (Fornasier 1997, S. 123–125; Михайлин 2005, с. 79–80). Но их искусственность становится еще явственней, если попытаться увидеть элементы космограммы в композиции таманской пекторали, абстрагируясь при этом от пекторали из Толстой Могилы. Показательно отсутствие структурности в изображении украшения

¹ За прошедшее время этот список дополнили еще несколько оригинальных трактовок сцены (Вертиченко 2015; Савостина 2019; Полидович 2020).

Рис. 1. Пектораль из Большой Близницы: 1 – общий вид; 2–9 – фрагменты пекторали (по: Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 255; Калашник 2014, с. 188–192).

Fig. 1. Pectoral from Bolshaya Bliznitsa : 1 – general view; 2–9 – fragments of the pectoral (after: Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 255; Kalashnik 2014, p. 188–192).

из Большой Близницы¹. Образы, которым пытаются найти более или менее подходящее соответствие каждого из трех фризов, не выражают стержневых идей, маркирующих ту или иную зону мироздания. Отсутствие сцен, содержащих идеи рождения, очевидно. Едва ли их эквивалентом могут выступать «брачные игры животных» (Раевский 1985, с. 230), даже в силу спорности такой трактовки (Михайлин 2005, с. 79–80). О зыбкости «брачного» характера периферийных пар свидетельствует и отмеченная выше неоднозначность видовой принадлежности некоторых животных. Маловероятно, что мастер-торевт, сколь далеким бы он не был от нюансов практического скотоводства, использовал для воспроизведения «брачных пар» животных разного вида. Не в меньшей мере это относится и к теме смерти, представленной сценой погони собаки за зайцем. Даже в композиции пекторали из Толстой Могилы эта сцена трактуется неоднозначно, возможна ее трансформация на периферии «мира смерти» в жизнеутверждающую идею (Полидович 2006, с. 83; 2020). Еще более неопределенно толкование смысла изображений в композиции таманской пекторали, обособленных от «мира смерти», в силу возможной широкой вариативности значения этого сюжета (Полидович 2007, с. 93–99; Полидович, Вольная 2005, с. 426–428) и его самостоятельности (Fornasier 1997, S. 124–125).

В структуре пекторали как изобразительной космограммы, средний фриз с растительным побегом «служит главным организующим элементом, связующим верхний и нижний фризы (т.е. верхний и нижний миры), что соответствует функции мирового дерева» (Раевский 1985, с. 200)². В композиции пекторали из Большой Близницы растительные мотивы четко не

структурированы, не организованы пространственно (отсутствует какая-либо видимость центральной оси), и их смысловое содержание может иметь совершенно иное наполнение.

Наконец, имеются попытки «недостающие» элементы композиции таманской пекторали отыскать среди других предметов погребального комплекса. Б. Брентьес отсутствие явных «сцен борьбы» на пекторали попытался восполнить сценами битвы на золотом калафе (Brentjes 1994, S. 176), что не нашло поддержки (Fornasier 1997, S. 123–125). Следует отметить, что семантическую взаимосвязь между различными предметами погребального комплекса деклариовали многие исследователи³. Но в этом случае оба предмета — пектораль и калаф (из гробницы 1) — происходят из разных погребений, и даже по этой причине ставить вопрос о возможной семантической связи между ними некорректно.

В. Ю. Михайлин сюжет пекторали из Толстой Могилы трактовал как изобразительную версию трехступенчатой социальной инициации героя посредством статусной охоты на животных трех видов и троекратной жертвы, обеспечивающей переход в более высокий статус. В контексте этой реконструкции был прочтен и сюжет таманской пекторали, а погребенный в гробнице № 4 Большой Близницы интерпретирован не как «взрослый скифский царь», а «принц», навечно оставшийся в первой, «собачье-заячьей» стадии воинской инициации» (Михайлин 2005, с. 80). Подобная трактовка явилась следствием недостаточного полного понимания исследователем исторического и археологического контекста памятника. Следует иметь в виду, что погребение Большой Близницы принадлежало не скифскому царю или принцу, а молодой женщине, представительнице знатного боспорского рода. Уже это опровергает предложенные автором толкования. Нельзя согласиться и с неаргументированными сомнениями В. Ю. Михайлина относительно жреческой интерпретации этого захоронения (Михайлин 2005, с. 80, прим. 2) — мнение по этому вопросу у многочисленных исследователей отличается редким единодушием⁴.

¹ Более явно трехчастную структуру можно увидеть не в композиции пекторали, а в наборе нагрудных изделий из данного погребального комплекса. В состав украшений женщины помимо пекторали входили еще два ожерелья, набранные из пронизок, бусин, подвесок, оформленных в виде различных антропо-, зоо- и фитоморфных образов. При этом, на одном из ожерелий превалирует растительная тематика (розетки, подвески-бутоны), второе отличается представительной номенклатурой образов (горгонейоны, головы бородатых сатиров, негров, баранов, лягушки, цикады, виноградные кисти, астрагалы). Вполне вероятно, что семантика сюжетов и образов трех украшений была согласована, но едва ли она была связана с идеями мирового дерева.

² Сравн.: (Мачинский 1978, с. 144–145; Михайлин 2005, с. 34–35, 117, 174; Gebauer 1997).

³ Некоторые примеры см. (Бабенко 2016, с. 12).

⁴ В последнее время неоднократно подвергалась сомнению жреческая атрибуция носительницы пекторали. Так, В. Ю. Михайлин сцену преследования зайца посм на пекторали из Большой Близницы трактовал в качестве символа первого балца — статусной охоты, составляю-

Использование торевами в композиции обеих пекторалей стадных животных действительно выделяет оба украшения (вместе с чертомлыцкой амфорой) на фоне других произведений искусства. Но в контексте семантических трактовок этих образов столь же явственно и их различие. Репрезентативный состав домашних животных верхнего фриза пекторали из Толстой Могилы и его строгая иерархия позволили интерпретировать композицию как воплощение идеи «пяти частей скота», «всескотия», следы которой можно обнаружить в индийской, иранской и иных традициях («Чхандогья упанишада», «Артхашастра», «Ригведа» и пр.) (Раевский 1985, с. 193–195; Никольская 2005–2009). Подобные определения совершенно неприменимы к «стаду» таманской пекторали, состоящего лишь из козлов и баранов, не имеющих четкой иерархии.

Ряд сюжетов и образов пекторали из Толстой Могилы трактуются в контексте календарной, прежде всего, новогодней (весенней) символики (сцены терзания как символ весеннего обновления и возрождения, сцены кормления молодняка как маркер весенней календарной даты¹ и др.) (Бессонова 1983, с. 70–74; Мозолевский 1979, с. 225; Раевский 1985, с. 196; Кузьмина 1984, с. 105–108; 1987, с. 3–12; Петрухин 2001; Бабенко 2013, с. 114–117). Обманчивое сходство сюжетов способствовало и близкой интерпретации сцен таманской пекторали как «весеннего выгона скота на пастбище» (Бессонова 1983, с. 71–72). Однако отсутствие в них молодняка делает такое толкование малоубедительным. Если же согласится с трактовкой этих сцен как «брачных игр» (Раевский 1978, с. 118; 1985, с. 230), т.е., предшествующих случке животных, и соотнести срок беременности (около 5 месяцев) и предполагаемое время окота (конец зимы –

ранняя весна), то наиболее вероятным временем года следует признать осень. Но эта календарная дата не согласуется, в свою очередь, со временем цветения мака, наиболее характерным для конца весны и начала лета². Вероятно, если в сюжетах таманской пекторали и наличествует акцент на календарную символику, он менее выраженный и указывает на иное время года.

Многие исследователи центральную сцену верхнего фриза пекторали из Толстой Могилы связывали с культом фарна, материальным воплощением которого видели баранью шкуру/рубашу из бараньего меха (Мошинский 2002, с. 85; Михайлин 2005, с. 118–176; Полидович 2006; 2020; Шайб 2007; Бабенко 2013, с. 118–119; Вертієнко 2015, с. 40, 95). Присутствие двух или даже четырех баранов на таманской пекторали способствовало привлечению этих сцен в качестве еще одной наглядной иллюстрации распространения культа фарна (Михайлин 2005, с. 80; Шайб 2007, с. 128). Подобные толкования нельзя признать убедительными. Бараны на пекторали не доминируют ни количественно, ни композиционно. Если же считать козлов семантическим эквивалентом баранов (Шайб 2007, с. 128), то число символов материального воплощения божественной благодати в пределах одного украшения, отличающихся к тому же множественностью сюжетных трактовок, может показаться избыточным. Но более всего такому толкованию противоречит социальный контекст погребальных комплексов. Захоронение в Толстой Могиле принадлежало представителю высшей скифской аристократии, возможно, — несостоявшемуся наследнику Атея, чем и объясняется необычное местоположение пекторали в дромосе (Мошинский 2002, с. 87). Поэтому пектораль, как материальное воплощение фарна, приличествовала погребенному по статусу. Общеизвестно, что Большая Близница являлась усыпальницей представителей знатного боспорского семейства, исполнявших жреческие функции (прежде всего, склепы 1 и 4). При большом разнообразии мнений о культах, жрицами которых могли являться погребенные женщины, культ фарна как древнеиранская традиция не совсем согласуется с культурным контекстом.

щей начальный этап воинской инициации. По этой причине исследователь полагал, что в кургане был погребен не «взрослый скифский царь», а «принц», навечно оставшийся на первой стадии воинской инициации (Михайлин 2005, с. 80), что совершенно не согласуется с этническим контекстом и половой принадлежностью погребенной. Возражения в отношении жреческих функций погребенных в Большой Близнице, высказанные в ряде работ А. Шварцмайер (Schwarzmaier 1996; 2006), были убедительно опровергнуты И. Ю. Шайбом (2015, с. 214–222).

¹ Иное мнение о возможной календарной дате у Н. А. Гаврилюк и Н. П. Тимченко, считающих, что подросший молодняк свидетельствует об иной календарной дате: конце весны – начале лета (Гаврилюк, Тимченко 2015, с. 106–107).

² Но при этом возможна связь цветов мака с осенней порой – растения были созданы богами для блуждающей Деметры для обретения ею покоя и отдыха (Топоров 2011, с. 389–392).

Показательно, что И. Ю. Шауб, отметив отдельные предметы из Большой Близницы (помимо пекторали — золотые браслеты) в связи с представлениями о фарне (Шауб 2007, с. 126, 128), в специальных исследованиях, посвященных семантике находок этого кургана, культ фарна не упомянул (Шауб 1987; 2007, с. 370–385). Вероятно, не каждое изображение барана следует полагать символом фарна.

Таким образом, возросший с открытием в Толстой Могиле пекторали интерес к таманскому украшению одновременно обусловил и определенную от нее зависимость. Конструктивное и отчасти художественное сходство двух изделий невольно предопределило устойчивое мнение об их семантическом тождестве, по меньшей мере, в части толкования. Между тем, семантика композиции таманской пекторали может иметь совершенно самостоятельную, независимую от сюжетов украшения из Толстой Могилы трактовку. Ключом к ее пониманию могут послужить несколько факторов. Представляется, что наиболее содержательной для семантических объяснений является именно высокохудожественная часть композиции пекторали из Большой Близницы, а именно пять сцен с участием козлов и баранов. Художественный уровень остальных частей украшения, обрамляющих основное композиционное поле, существенно ниже. Среди них наиболее зримо проявляются элементы подражательности пекторали из Толстой Могилы.

Также семантику изделия из Большой Близницы следует согласовывать с контекстом погребального комплекса гробницы № 4. Как отмечалось выше, в историографии не сложилось единой точки зрения о том, служительницами какого культа являлись погребенные жрицы. Подробный обзор мнений по этой проблеме изложен И. Ю. Шаубом (Шауб 1987; 2007, с. 370–385), что позволяет ограничиться краткой их характеристикой, акцентируя лишь отдельные моменты. По мнению А. Э. Стефани, погребенные в кургане женщины являлись жрицами культа Деметры и других элевсинских богов (Стефани 1865; 1871, с. 12). Но именно в отношении жрицы из гробницы № 4 исследователь неоднократно, указывая на находки терракотовых статуэток, калафа с фигурками менад, пекторали, бронзовых и красновато-коричневых сосудишков, подчеркивал ее «пристрастие к вакхическому культу» (Стефани 1871, с. 12, 17).

М. И. Ростовцев отметил «связь обеих женщин с культом Великого женского божества ... сближенного с элевсино-орфическим культом Деметры или Кору» (Ростовцев 1925, с. 372). В. Ф. Гайдукевич считал, что в кургане были погребены «жрицы Афродиты святилища Апатура» (Гайдукевич 1949, с. 214). Такое же мнение высказала и Н. П. Розанова (Розанова 1951, с. 212–213). С элевсинскими культами связывал погребения Большой Близницы М. И. Артамонов (Артамонов 1966, с. 69–74).

Первостепенное значение в определении культа, служительницей которого являлась женщина из гробницы № 4, имеет атрибуция комплекса терракотовых статуэток. А. А. Передольская, посвятившая этим предметам серию работ, рассматривала их как единый комплекс, относящийся к культу великих элевсинских мистерий в честь Кору и Деметры (Передольская 1950; 1955; 1962). П. Александреску подверг критике эти выводы и трактовал комплекс терракот как пример синкретизма дионисийского течения и местного аграрного культа Великой богини (Alexandrescu 1966, р. 75–76), получив поддержку ряда исследователей (Грач 1974, с. 36; Шауб 2007, с. 377). Г. И. Соколов разделял мнение о связи красновато-коричневых статуэток с элевсинскими культами, но в то же время полагал, что некоторые статуэтки могли иметь отношение к культу кабиров, Диониса и Афродиты (Соколов 1997, с. 403). В погребенной в склепе 1 видят жрицу Артемиды (Фиалко 2004, с. 51; 2011, с. 90).

На основании комплексного анализа погребального инвентаря И. Ю. Шауб также пришел к выводу о синкретичном характере культа жриц из Большой Близницы и отметил ряд сюжетов, в которых зримо прослеживается связь с местными культами. Так, предметы с разнообразной амазонской тематикой и змееногими персонажами связаны, по мнению исследователя, с местным Великим женским божеством в хтоническом аспекте, уздечные наборы, украшенные образом коня-оленья, и бляшка со сценой терзания барса грифогиппокампом — со скифским миром (Шауб 1991; 2007, с. 370–385).

Подобная пестрота мнений в определении культа, которому прислуживали жрицы из Большой Близницы, является благодатной средой для всевозможных трактовок предполагаемой семантики сюжетов и образов пекторали. Одно из таких толкований в предельно лаконичной форме было

предложено Г. И. Соколовым, который предположил наличие связи представленных на пекторали образов с элевсинскими мистериями (Соколов 1997, с. 404). С элевсинской тематикой согласуются также включенные в композицию пекторали маки (если верна такая атрибуция «коробочек», цветков и листьев), которые были сотворены богами при блуждании Деметры, чтобы обрести ей покой и отдых (Топоров 2011, с. 389–392). При этом возможна и другая, более глубинная мифологическая связь «мак — Деметра», выразившаяся, в том числе, в использовании мака в качестве одного из ингредиентов ритуального напитка, обеспечивающего экстатическое состояние участникам мистерий (Судник, Цивьян 1981, с. 308–311). Однако, как и во многих других случаях, значение образа мака полисеманлично.

Можно избрать и иное направление в поисках возможных толкований семантики пекторали, исходя из предполагаемого культа, служительницей которого была жрица из склепа 4. Одним из наиболее зримых атрибутов, определяющих принадлежность погребенной женщины к жреческому сословию, является парадный головной убор — калаф, который украшали 11 рельефных фигурок — танцующих менад и сатиров, а также менад на грифоне и барсе и фигурки крылатой Ники (Калашник 2014, с. 178–181). Традиция декорирования головных уборов фигурками танцующих менад получила широкое распространение в IV в. до н.э. в Северном Причерноморье. Известно по меньшей мере 10 комплексов, где обнаружены подобные аппликации, исполненные в двух вариантах — на четырёхугольных пластинах и в виде контурных бляшек¹. Менады представлены фигурками двух видов — с ножом, отрубленной козлиной ногой (1) и с тирсом, козлиной головой и плащом из козлиной шкуры (2). Причины популярности этого сюжета у племен Северного Причерноморья объясняются по-разному и связывают либо с усилением греческого влияния (и даже целенаправленной пропагандой) на религию скифов, что и привело к заимствованию по-

следними эллинских культов (Рябова 1979; Русяева 1995), либо с использованием этих образов для воплощения кочевниками исконно своих ритуалов (Раевский 1985; Бабенко 2002). «Свита» Диониса, украшавшая головной убор жрицы из склепа 4 Большой Близницы, представлена большим количеством образов и отличается от «скифских» менад стилистикой. По мнению исследователей они имеют более «греческий» облик (Шауб 2007, с. 341, 380; Бидзиля, Полин 2012, с. 494–495). Представляется очевидным, что жрица, головной убор которой был украшен разнообразными персонажами дионисийского культа, имела к нему непосредственное отношение. Если же рассматривать костюм погребенной в совокупности, то отдельные его части, более того — занимающие доминирующее, наиболее зрелищное положение — такие как головной убор и комплект нагрудных украшений, должны быть согласованы и взаимосвязаны между собой.

Как уже отмечалось выше, многие исследователи видели в различных предметах инвентаря из этого погребения атрибуты дионисийского культа. Это и ряд терракотовых статуэток, и персонажи наборного ожерелья, и набор миниатюрных красновато-коричневых и бронзовых сосудишков (Стефани 1871, с. 12, 17; Alexandrescu 1966, р. 75–76; Грач 1974, с. 36; Шауб 2007, с. 377; Соколов 1997, с. 403). Поэтому высказанное Л. Э. Стефани предположение о связи пекторали («большого ожерелья») с «вакхическими культами» (Стефани 1871, с. 12) является вполне обоснованным и заслуживает более пристального внимания.

Количественно и композиционно доминантными персонажами пекторали являются козлы, представленные семью или девятью особями, одна из которых расположена в центре фриза. Козел являлся одним из наиболее распространенных воплощений Диониса, культовым символом этого бога. Именно в козленка (вариант: барашка), спасаясь от гнева Геры, был превращен Дионис. Выраженные козлиные черты имеют и персонажи дионисийской свиты — Пан и сатиры. Поэтому, возможно, в персонажах пекторали мог быть воплощен Дионис в зооморфной инкарнации (козел в центре) и его многочисленная свита.

Возможную связь между терракотовыми статуэтками и персонажами пекторали в технологическом и стилистическом (гротескный, карикатурный стиль) плане можно дополнить еще одним аспектом, связанным с театральной составляющей. Часть красновато-коричневых статуэток из Боль-

¹ Менады на пластинах обнаружены в Большом Рыжановском кургане (Скорый, Хохоровски 2018, рис. 176: 2) и кургане 8 Песочинского могильника (Бабенко 2005, рис. 17: 1–4, фото 11), в виде контурных аппликаций — в Деевом кургане (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, pl. 135), Гаймановой Могили (Бидзиля, Полин 2012, рис. 752: 1–6), Денисовой Могили (Мозолевский 1980, рис. 68: 11), курганах 12 и 14 Рогачикского курганного поля (Болтрик, Фиалко 2007, рис. 1: 10–11), кургане 6 у с. Водославка (Купрій Ліфантій, Шелехань 2019, рис. 6: 2–3).

шой Близниці дослідники трактуєть саме як образи комічних акторів давньогрецької комедії і сатиричної драми. Визначені аллюзії — зримі і едв уловимі — на те ілї інші сторони театральної життя можна увідіть і в персонажах пекторалї із Великої Близниці. Обов'язковими учасниками сатиричної драми були обряжені в козлині шкури сатири. «Трагедія» (τραγωδία) — «песнь козлів» — як вид драми отримав назву від трагічного хору, учасники якого, зображаючи супутників Діоніса, одевались в козлині шкури. Можна передположити, що об'єднані в п'ять сцен одинадцять фігурок козлів і баранів могли являтьс аллегоричним зображенням учасників театального дійства в зооморфному втіленні. Це враження посилює «очеловечений» характер впро-изведених образів тварин, підкреслена їх емоційність і характерність поз в кожній із груп. Вс п'ять груп залишають відчуття не-каторої аллюзії на конкретні сцени якої-то п'єси, зрозумілі колу присвячених.

Особливістю давньогрецького театру являлось використання акторами в постановках п'єс спеціальних масок — людських лиц, голів тварин, міфологічних і фантастических істот, призначених передати особе-ности характера і емоційного стану

персонажа. Можливо, відзначені вище труд-ности з визначенням виду двох тварин на пекторалї — то ли козлів, то ли баранів, також являютьс визначеною аллюзією на актерські маски, т.є., тореут зобразив двох баранів як бї з надітими масками козлів.

З діонісійськими культами можуть бїть зв'язані і інші образи, включені в композицію пекторалї із Великої Близниці. Відомі зображення зайця в сценах з Діонісом і пер-сонажами його свити (Стефани 1863, с. 62–66; Хамула 2013, с. 181–190). Одним із атрибутів хтонічного Діоніса — Загрія — били венки із голівок мака (Судник, Цив'ян 1981, с. 311).

Несумнінно, зложені вище наблюде-ния і передположення носять отчасти гіпотети-ческий характер. Но представляється очевидним, что в поисках решения проблем семантики об-разов и сюжетов пекторалї із Великої Близни-цы следует исходить не из достаточно зыбких па-раллелей с композицией пекторалї із Толстой Могили, несмотря на внешнее сходство обоих украшений. Более перспективным для понима-ния смысла композиции таманской пекторалї является ее согласование с семантикой различ-ных предметов культа из этого захоронения и предполагаемых жреческих функций погребен-ной в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник.
- Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: ИД Райдер.
- Бабенко, Л. И. 2016. Пан и сюжет пекторалї — неслучайные совпадения? *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 9–26.
- Бабенко, Л. И. 2018. Пектораль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения). *Stratum plus*, 3, с. 187–204.
- Бабенко, Л. И. 2002. Жіночий головний убір IV ст. до н.е. з кургану 8 біля с. Пісочин Харківської області. *Археологія*, 4, с. 59–69.
- Бабенко, Л. И. 2013. До семантики центральної сцени пекторалї з Товстої Могили. *Древности — 2013*, с. 111–122.
- Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Издательский дом «Скиф».
- Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 2007. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XIV, с. 51–93.
- Вертієнко, Г. В. 2015. *Іконографія скіфської есхатології*. Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України; Видавець Олег Філюк.
- Гаврилюк, Н. А., Тимченко, Н. П. 2015. Пектораль из Толстой Могили как объект и средство невербальной коммуникации. *Труды Государственного Эрмитажа*, LXXVII, с. 97–126.
- Гайдукевич, В. Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Грач, Н. Л. 1974. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница. *Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г1–11, с. 36–39.
- Калашник, Ю. П. 2014. *Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.

- Кузьмина, Е. Е. 1984. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства. *Вестник древней истории*, 1, с. 93–108.
- Кузьмина, Е. Е. 1987. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской. В: Мартынов, А. И., Молодин, В. И. (ред.). *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. Новосибирск: Наука, с. 3–12.
- Купрій, С. О., Ліфантий, О. В., Шелехань, О. В. 2019. Курган 6 могильника Водославка: поховання скіфської знаті. *Археологія і давня історія України*, 4 (33), с. 182–212.
- Мачинский, Д. А. 1978. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131–150.
- Михайлин, В. 2005. *Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Мозоле夫斯基, Б. 1978. Синтез скіфо-античної думки. До інтерпретації пекторалі з Товстої Могили. *Всесвіт*, 2, с. 191–204.
- Мозоле夫斯基, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.
- Мозоле夫斯基, Б. Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 70–154.
- Мошинский, А. П. 2002. Пектораль из Толстой Могилы как символ царской власти. *Донская археология*, 1–2, с. 84–88.
- Никольская, К. Д. 2005–2009. О странном наследстве в III книге «Артхашастры» Каутильи. *Stratum plus*, 3, с. 371–376.
- Передольская, А. А. 1950. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. *Советская археология*, XIII, с. 255–271.
- Передольская, А. А. 1955. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница. *Советская археология*, XXIV, с. 54–73.
- Передольская, А. А. 1962. Терракоты из кургана Большая Близница и Гомеровский гимн Деметре. *Труды Государственного Эрмитажа*, VII, с. 46–93.
- Петрухин, В. Я. 2001. «Золотое руно» и «скифская космограмма». *МИФ*, 7: Αποθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски, с. 147–156.
- Полидович, Ю. Б. 2006. Пектораль – символ жизни и смерти. *Журнал о металле*, 3–4, с. 82–85.
- Полидович, Ю. Б. 2007. Боспорские терракотовые статуэтки со сценой охоты на зайца. В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Материалы Международной научной конференции, I. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, с. 93–99.
- Полидович, Ю. Б. 2020. Иранская мифологема царской власти и пектораль из Толстой Могилы. *Археологія і давня історія України*, 3 (36), с. 135–149.
- Полидович, Ю. Б., Вольная, Г. Н. 2005. Образ зайца в скифском искусстве. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского*. Москва: Институт археологии РАН, с. 425–436.
- Раевский, Д. С. 1978. Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы). *Вестник древней истории*, 3, с. 115–133.
- Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э.* Москва: Наука.
- Розанова, Н. П. 1951. К вопросу о местонахождении Апатура. *Вестник древней истории*, 2, с. 210–213.
- Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград (б. и.).
- Русяева, М. В. 1995. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів. *Археологія*, 1, с. 22–34.
- Рябова, В. А. 1979. Женское погребение из кургана Денисова Могила. В: Баран, В. Д. (ред.). *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 47–51.
- Савостина, Е. А. 2019. Несколько заметок о пекторали из кургана Толстая Могила: вопросы атрибуции и культурной принадлежности. *Боспорские исследования*, XXXIX, с. 58–88.
- Скорый, С. А., Хохоровски, Я. 2018. *Большой Рыжановский курган*. Киев: Издатель Олег Филук.
- Соколов, Г. 1997. Терракоты кургана Большая Близница. *Вопросы искусствознания*, 2 (XI), с. 400–420.
- Стефани, Л. Э. 1863. Объяснение некоторых ваз Императорского Эрмитажа. *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1862 г.* Санкт-Петербург (б. и.), с. 29–170.
- Стефани, Л. Э. 1866. Объяснение некоторых древностей, найденных в 1864 г. в Южной России. *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1865 г.* Санкт-Петербург (б. и.), с. 3–231.
- Стефани, Л. Э. 1871. Объяснение некоторых древностей, найденных в 1868 г. в Южной России. *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1869 г.* Санкт-Петербург (б. и.), с. 3–216.
- Судник, Т. М., Цивьян, Т. В. 1981. Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica). В:

- Иванов Вяч. Вс. (ред.). *Балто-славянские исследования-1980*. Москва: Наука, с. 300–317.
- Толстой, И. И., Кондаков, Н. П. 1889. *Русские древности в памятниках искусства*. Вып. 1. Классические древности Южной России. Санкт-Петербург (б. и.).
- Топоров, В. Н. 2011. *Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий*. Т. 1. А–О. Москва: Языки славянских культур.
- Фиалко, Е. Е. 2004. Скифская Аргимпаса (к интерпретации изображения на ажурной пластине из Гюновки). *Боспорские исследования*, VII, с. 47–62.
- Фиалко, Е. Е. 2011. Золотой калаф из кургана Большая Близна: к интерпретации персонажей. В: Строкова Л. В. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки»*. 15–17 листопада 2010 р. Київ (б. в.), с. 89–96.
- Хамула, Д. В. 2013. *Дионис в Северном Причерноморье: искусство и культ*. Одесса: Издательство «Печатный Дом».
- Цветаева, Г. А. 1968. *Сокровища причерноморских курганов*. Москва: Наука.
- Шауб, И. Ю. 1987. Погребения кургана Большая Близна как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства. *Краткие сообщения Института археологии*, 191, с. 27–33.
- Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Шауб, И. Ю. 2015. «Про неправду всё написано!» (О попытках ревизии традиционных взглядов на некоторые памятники Боспора и Скифии). *Боспорские исследования*, XXXI, с. 214–222.
- Alexandresku, P. 1966. Les symbolisme funeraire dans une tombe de la peninsula de Taman. *Studia Classica*, 8, p. 75–86.
- Brentjes, B. 1994. Das Pectorale aus der Tolstaja Mogila und altkleinasiatische Beziehungen. *Altorientalische Forschungen*, 21/1, S. 176–180.
- Fornasier, J. 1997. Das Pectorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. In: Stähler, K. (Hrsg.). *Zur graeco-skythischen Kunst. Archologisches Kolloquium Münster*. Münster: Ugarit-Verlag, S. 119–146.
- Gebauer, J. 1997. Rankengedanken – zum Pectorale aus der Tolstaja Mogila In: Stähler, K. (Hrsg.). *Zur graeco-skythischen Kunst. Archologisches Kolloquium Münster*. Münster: Ugarit-Verlag, S. 147–160.
- Piotrovsky, B. Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid–7th to 3rd century B.C.* Leningrad: Aurora.
- Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Großen Blisniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 111, S. 105–137.
- Schwarzmaier, A. 2006. «Ich werde immer Kore heißen» – zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antiksammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus der Großen Blisniza auf der Halbinsel Taman. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 121, S. 175–226.
- Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga: Artia; Leningrad: Sovetskii khudozhnik.
- Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskii kurgannyi mogilnik skifskogo vremeni*. Kharkiv: ID Raider.
- Babenko, L. I. 2016. Pan i suzhet pektoral: nesluchainye sovpadeniia? *Arheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2, p. 9–26.
- Babenko, L. I. 2018c. Pektoral ili grivna? (o sootvetstvii termina i morfologii ukrasheniia). *Stratum plus*, 3, p. 187–204.
- Babenko, L. I. 2002. Zhinochyi holovnyi ubir IV st. do n.e. z kurhanu 8 bilia s. Pisochyn Kharkivskoi oblasti. *Arheolohia*, 4, p. 59–69.
- Babenko, L. I. 2013. Do semantyky tsentralnoi stseny pektoraliz z Tovstoi Mohyly. *Drevnosti 2013*, p. 111–122.
- Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniia skifov*. Kyiv: Naukova dumka.
- Bidzilia, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskii tsarskii kurgan Gaimanova Mogila*. Kyiv: Izdatelskii dom «Skif».
- Boltryk, Yu. V., Fialko, E. E. 2007. Ukrasheniia iz skifskikh pogrebalnykh kompleksov Rogachikskogo kurgannogo polia. *Starozhytnosti Stepovoho Prychornomoria i Krymu*, XIV, p. 51–93.
- Vertienko, H. V. 2015. *Ikonohrafiia skifskoi eskhatolohii*. Kyiv: Instytut skhodoznastva im. A.Yu. Krymskoho NAN Ukrainy; Vydavets Oleh Filiuk.
- Gavriliuk, N. A., Timchenko, N. P. 2015. Pektoral iz Tolstoi Mogily kak ob'ekt i sredstvo neverbalnoi komunikatsii. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, LXXVII, p. 97–126.
- Gaidukevich, V. F. 1949. *Bosporskoe tsarstvo*. Moskva; Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR.
- Grach, N. L. 1974. Terrakotovyie statuetki iz kurgana Bolshaia Bliznitsa. *Terrakotovyie statuetki. Pridone i Tamanskii poluostrov*. Moscow: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, G1–11, p. 36–39.
- Kalashnik, Yu. P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha: Pamiatniki antichnogo iuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomoria*. Sankt-

- Peterburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Kuzmina, E. E. 1984. Opyt interpretatsii nekotorykh pamiatnikov skifskogo iskusstva. *Vestnik drevnei istorii*, 1, p. 93–108.
- Kuzmina, E. E. 1987. Siuzhet borby khishchnika i kopytnogo v iskusstve «zverinogo» stilia evraziiskikh stepei skifskoi. In: Martynov, A. I., Molodin, V. I. (ed.). *Skifo-sibirskii mir: Iskusstvo i ideologiya*. Novosibirsk: Nauka, p. 3–12.
- Kuprii, S. O., Lifantii, O. V., Shelekhan, O. V. 2019. Kurhan 6 mohylnya Vodoslavka: pokhovannia skifskoi znati. *Arheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 4 (33), p. 182–212.
- Machinskii, D. A. 1978. Pektoral iz Tolstoi Mogily i velike zhenkie bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka: Drevnost i rannee srednevekovie*. Leningrad: Avror, p. 131–150.
- Mikhailin, V. 2005. *Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno-orientirovannye kulturnye kody v indoevropskoi traditsii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Mozolevskii, B. 1978. Syntez skifo-antychnoi dumky. Do interpretatsii pektoral z Tovstoi Mohyly. *Vsesvit*, 2, p. 191–204.
- Mozolevskii, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.
- Mozolevskii, B. N. 1980. Skifskie kurgany v okrestnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972–1975 gg.). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifia i Kavkaz*. Kyiv: Naukova dumka, p. 70–154.
- Moshinskii, A. P. 2002. Pektoral iz Tolstoi Mogily kak simvol tsarskoi vlasti. *Donskaia arheologiya*, 1–2, p. 84–88.
- Nikolskaia, K. D. 2005–2009. O strannom nasledstve v III knige «Arthashastry» Kautili. *Stratum plus*, 3, p. 371–376.
- Peredolskaia, A. A. 1950. O siuzhetakh trekh terrakotovyykh statuetok, naidennykh v kurgane Bolshaia Bliznitsa. *Sovetskaia arkheologiya*, XIII, p. 255–271.
- Peredolskaia, A. A. 1955. K voprosu o terrakotakh iz kurgana Bolshaia Bliznitsa. *Sovetskaia arheologiya*, XXIV, p. 54–73.
- Peredolskaia, A. A. 1962. Terrakoty iz kurgana Bolshaia Bliznitsa i Gomerovskii gimn Demetre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, VII, p. 46–93.
- Petruhin, V. Ya. 2001. «Zolotoe runo» i «skifskaya kosmogramma». *MIF*, 7: Απόθέωσις. Na akademik Dmitri Sergeevich Raevskii, p. 147–156.
- Polidovich, Yu. B. 2006. Pektoral – simvol zhizni i smerti. *Zhurnal o metalle*, 3–4, p. 82–85.
- Polidovich, Yu. B. 2007. Bosporskie terrakotovye statuetki so stsenoi okhoty na zaita. In: Zuev, V. Iu. (ed.). *Bosporskii fenomen: sakralnyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, I. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitazha, p. 93–99.
- Polidovich, Yu. B. 2020. Iranskaia mifologema tsarskoi vlasti i pektoral iz Tolstoi Mogily. *Arheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 3 (36), p. 135–149.
- Polidovich, Yu. B., Volnaia, G. N. 2005. Obraz zaita v skifskom iskusstve. In: Guliaev V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii ot rannei bronzy do rannego srednevekovia. Pamiati V. S. Olkhovskogo*. Moskva: Institut arheologii RAN, p. 425–436.
- Raevskii, D. S. 1978. Iz oblasti skifskoi kosmologii (Opyt semanticheskoi interpretatsii pektoral iz Tolstoi Mogily). *Vestnik drevnei istorii*, 3, p. 115–133.
- Raevskii, D. S. 1985. *Model mira skifskoi kultury. Problemy mirovozzreniia iranoiazychnykh narodov evraziiskikh stepei I tysiacheletii do n.e*. Moscow: Nauka.
- Rozanova, N. P. 1951. K voprosu o mestonakhozhdenii Apatura. *Vestnik drevnei istorii*, 2, p. 210–213.
- Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifia i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamiatnikov literaturnykh i arheologicheskikh*. Leningrad.
- Rusiaieva, M. V. 1995. Dionisiiski siuzhety na pam'iatkakh torevtyky iz skifskyykh kurhaniv. *Arheolohia*, 1, p. 22–34.
- Riabova, V. A. 1979. Zhenskoe pogrebenie iz kurgana Denisova Mogila. In: Baran, V. D. (ed.). *Pamiatniki drevnih kultur Severnogo Prichernomoria*. Kyiv: Naukova dumka, p. 47–51.
- Savostina, E. A. 2019. Neskolko zametok o pektoral iz kurgana Tolstaia Mogila: voprosy atributsii i kulturnoi prinalozhnosti. *Bosporskie issledovaniia*, XXXIX, s. 58–88.
- Skory, S. A., Chochorovski, Ja. 2018. *Bolshoy Ryzhanovskiy kurgan*. Kyiv: Izdatel Oleg Filiuk.
- Sokolov, G. 1997. Terrakoty kurgana Bolshaia Bliznitsa. *Voprosy iskusstvovedeniia*, 2 (XI), p. 400–420.
- Stefani, L. E. 1863. Obiasnenie nekotorykh vaz Imperatorskogo Ermitazha. *Otchet Imperatorskoi Arheologicheskoi Komissii za 1862 g.* Sankt-Peterburg, p. 29–170.
- Stefani, L. E. 1866. Obiasnenie nekotorykh drevnostei, naidennykh v 1864 g. v Iuzhnoi Rossii. *Otchet Imperatorskoi Arheologicheskoi Komissii za 1865 g.* Sankt-Peterburg, p. 3–231.
- Stefani, L. E. 1871. Obiasnenie nekotorykh drevnostei, naidennykh v 1868 g. v Iuzhnoi Rossii. *Otchet Imperatorskoi Arheologicheskoi Komissii za 1869 g.* Sankt-Peterburg, p. 3–216.
- Sudnik, T. M., Tsivian, T. V. 1981. Mak v rastitelnom kode osnovnogo mifa (Balto-Balkanika). In: Ivanov Viach.Vs. (ed.). *Balto-slavianskie issledovaniia 1980*. Moskva: Nauka, p. 300–317.
- Tolstoy, I. I., Kondakov, N. P. 1889. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva*. Vyp. 1. Klassicheskie drevnosti Iuzhnoi Rossii. Sankt-Peterburg.

- Toporov, V. H. 2011. *Mifologiya: Stati dlia mifologicheskikh entsiklopedii*. T. 1. A–O. Moskva: Iazyki slavianskikh kultur.
- Fialko, E. E. 2004. Skifskaia Argimpasa (k interpretatsii izobrazheniia na azhurnoi plastine iz Giunovki). *Bosporskie issledovaniia*, VII, p. 47–62.
- Fialko, E. E. 2011. Zolotoi kalaf iz kurgana Bolshaia Bliznitsa: k interpretatsii personazhei. In: Strokova L. V. (ed.). *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii «Iuvelirne mystetstvo – pohliad kriz viky». 15–17 lystopada 2010 r.* Kyiv, p. 89–96.
- Khamula, D. V. 2013. *Dionis v Severnom Prichernomore: iskusstvo i kult.* Odessa: Izdatelstvo «Pechatnyi Dom».
- Tsvetaeva, G. A. 1968. *Sokrovishcha prichernomorskikh kurganov.* Moskva: Nauka.
- Shaub, I. Yu. 1987. Pogrebeniia kurgana Bolshaia Bliznitsa kak istochnik po istorii religioznykh predstavlenii zhitelei Bosporskogo tsarstva. *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii*, 191, p. 27–33.
- Shaub, I. Yu. 2007. *Mif, kult, ritual v Severnom Prichernomore (VII–IV vv. do n.e.).* Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Shaub, I. Yu. 2015. «Pro nepravdu vse napisano!» (O popytkakh revizii traditsionnykh vzgliadov na nekotorye pamiatniki Bospora i Skifii). *Bosporskie issledovaniia*, XXXI, p. 214–222.
- Alexandresku, P. 1966. Les symbolisme funeraire dans une tombe de la peninsula de Taman. *Studia Classica*, 8, p. 75–86.
- Brentjes, B. 1994. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila und altkleinasiatische Beziehungen. *Altorientalische Forschungen*, 21/1, S. 176–180.
- Fornasier, J. 1997. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. In: Stähler, K. (Hrsg.). *Zur graeco-skythischen Kunst. Archologisches Kolloquium Münster.* Münster: Ugarit-Verlag, S. 119–146.
- Gebauer, J. 1997. Rankengedanken – zum Pektorale aus der Tolstaja Mogila In: Stähler, K. (Hrsg.). *Zur graeco-skythischen Kunst. Archologisches Kolloquium Münster.* Münster: Ugarit-Verlag, S. 147–160.
- Piotrovsky, B. Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid–7th to 3rd century B.C.* Leningrad: Aurora.
- Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Großen Blisniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 111, S. 105–137.
- Schwarzmaier, A. 2006. «Ich werde immer Kore heißen» – zur Grabstele der Polyxena in der Berliner Antikensammlung. Mit einem Anhang zu den Schmuckgarnituren aus der Großen Blisniza auf der Halbinsel Taman. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 121, S. 175–226.